

Ивлин Во, несомненно,
гениальный по точности
и ясности художник,
с которым не сравнится никто
из современных прозаиков.

Джон Хатченс

Ивлин Во

Сенсация

PREMIUM

Азбука Premium

Ивлин Во

Сенсация

«Азбука-Аттикус»

1938

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Во И.

Сенсация / И. Во — «Азбука-Аттикус», 1938 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-20240-5

В романе «Сенсация» (1938) знаменитый британский прозаик Ивлин Во, пожалуй, как ни в одной другой своей книге, демонстрирует поистине джеромовское умение творить смешное буквально из ничего, выращивая из одной пустячной путаницы целую абсурдистскую «трагикомедию ошибок». Скромного автора колонки «Луг и чаща» в провинциальной газете вследствие редакционной неразберихи отправляют вместо его однофамильца — известного писателя и путешественника — военным корреспондентом в далекую африканскую страну Эсмаилия, где, по слухам, назревает гражданская война. По прибытии туда он выясняет, что никакой войны в стране нет. Но от мистера Таппока ждут сенсации, и тихий недотепа, оказавшись в безумных и опасных для жизни бытовых условиях бывшей колонии, старается выполнить редакционное задание — и при этом выжить...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20240-5

© Во И., 1938
© Азбука-Аттикус, 1938

Содержание

Книга 1	6
Глава 1	6
I	6
II	9
III	11
IV	12
Глава 2	13
I	13
II	16
III	17
Глава 3	24
I	24
II	25
III	27
IV	28
V	29
Глава 4	31
I	31
II	31
III	33
IV	34
V	34
VI	35
VII	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ивлин Во

Сенсация

Роман

Evelyn Waugh
Scoop

* * *

Copyright © 1937, 1938, 1965, 1966 Evelyn Waugh
All rights reserved

© А. Ю. Бураковская (наследник), перевод, 1992

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

Книга 1

Услуги фирмы Ститч

Глава 1

I

Будучи совсем еще молодым, Джон Кортни Таппок «занял в современной литературе прочное и завидное положение», как указывал в аннотации его издатель. Романы Таппока расходились тиражом пятнадцать тысяч экземпляров в первый же год после публикации, и их читали люди, чьим мнением Таппок дорожил. В перерывах между романами он поддерживал репутацию интеллектуала скромными, но элегантными трудами по истории и мореплаванию. Если надписанные им экземпляры первых изданий обретали новых владельцев, то их цена возрастала на шиллинг, а то и на два. Всего на его счету было восемь книг – начиная с жизнеописания Рэмбо, вышедшего из-под его пера, когда ему было восемнадцать лет, и кончая «Потерянным временем», изысканно-сдержанным отчетом о нескольких кошмарных месяцах, проведенных среди индейцев Патагонии. Имена двух-трех этих индейцев были в большом ходу у леди Метроленд и примыкавшего к ней общества. У Джона Таппока было много друзей, среди которых сияла несравненная миссис Алджернон Ститч.

Как и все, кто вращался в ее орбите, Джон Таппок делился с ней всеми своими трудностями. Не было исключением и то ледяное июньское утро, когда он пересек парк и позвонил в дверь ее особняка (шедевр Николаса Хоксмур, спрятанный в тупичке неподалеку от Сент-Джеймского дворца).

Посреди холла стоял Алджернон Ститч. На голове у него была шляпа, правая рука, торчавшая из левого рукава пальто, держала малиново-красный, украшенный гербами портфель, а другую руку он безуспешно пытался продеть в нагрудный карман. Зонтик, который мистер Ститч прижимал к боку левым локтем, затруднял эту нелегкую задачу. Говорил он неразборчиво, поскольку в зубах держал утреннюю газету.

– Никак не надену, – послышалось Джону.

На помощь ему пришел дворецкий. Забрав у хозяина зонтик и портфель, он положил их на мраморный столик, затем они совместными усилиями освободились от пальто и повернули его нужной стороной. Джон позаботился о газете.

– Спасибо. Большое спасибо. Искренне благодарен. Вы к Джулии?

Сверху, из комнаты, куда вела, плавно изгибаясь, величественная лестница, раздался негромкий, но неожиданно сильный голос:

– Постарайся не опоздать к обеду, Алджи. Будут Кенты.

– Она наверху, – сказал Ститч. Теперь, когда на нем было пальто, он сделался стопроцентным английским министром – длинный и худой, с длинным тонким носом и с длинными тонкими усами. Идеальная модель для карикатуристов. – Идите в спальню, – добавил он.

– С удовольствием читал сегодня вашу речь. – Джон бывал неизменно вежлив со Ститчем. (И не он один. Парламентские лейбористы его обожали.)

– Мою речь? С удовольствием? Вот как? Мне не понравилась. Но все равно спасибо. Большое спасибо. Искренне благодарен.

И Ститч отправился в министерство имперской обороны, а Джон – наверх, к Джулии.

Пользуясь наставлениями мужа, он прошел в спальню. Джулия еще не вставала, хотя часы показывали начало двенадцатого. Ее подвижное лицо, скрытое под слоем глины, было непроницаемым и грозным, как маска ацтека. Но она не лежала без дела. Рядом с постелью сидела ее секретарь мисс Холлоуэй, обложенная счетами, расходными книгами и письмами. Одной рукой миссис Ститч подписывала чеки, другой держала телефонную трубку, в которую диктовала детали костюмов для благотворительного балета. Элегантный молодой человек, стоявший на стремянке, расписывал потолок руинами замка. Дочь Джулии Джозефина, восьмилетний чудо-ребенок, штудировала дневную порцию Вергилия. Бритлинг (горничная) вписывала слова в кроссворд, который миссис Ститч решала с половины восьмого утра.

Увидев Джона, Джозефина бросилась к нему. «Таппок! Таппок!» – крикнула она, пнув его сначала одной ногой, а затем другой. Это была ее любимая шутка.

Миссис Ститч обратила к нему свой глиняный лик с человеческими глазами и дружелюбно произнесла:

– Входите. Я как раз собираюсь в город. Почему двадцать фунтов миссис Бивер?

– Вы купили у нее свадебный подарок для леди Джин.

– Какое безумие! Что касается львиной головы для нагрудника центуриона, то очень красивая есть на воротах дома, который называется Твисбери-мэнор, неподалеку от Солсбери. Нужно ее точно скопировать. Позвоните в редакцию «Города и усадьбы» и попросите подшивку старых номеров. Года два назад они помещали ее фотографию. Мне кажется, на башне должно быть поменьше плюща, Артур, иначе трудно будет разглядеть сову, а она такая милая, особенно на фоне камня. «Мупега», детка, как «трáлала», краткое «а» множественного числа среднего рода. Если это все-таки анаграмма, то, может быть, «терракота» подойдет? Ужасно рада видеть вас, Джон! Где вы пропадали? Поедьте со мной за коврами, я недавно обнаружила замечательный новый магазин в Бетнел-Грин. Хозяин – еврей, страшно забавный, не говорит ни слова по-английски, и с его сестрой постоянно происходят удивительные истории. Почему я должна ехать в «Приют отверженных» Виолы Казм? Она ведь не была в моем «Образцовом бедламе»?

– Была, миссис Ститч.

– Значит, еще две гиней. «Потерянное время» – прелесть! Мы читали его вслух в Блэквелле. Безголовый аббат неподражаем.

– Безголовый аббат?!

– На потолке у Артура. Я отнесла «Время» в комнату премьер-министра.

– И он его прочитал?

– По правде говоря, я не уверена, что он любит читать.

– «Терракота» не подходит, мадам. Нужно короче и без «р».

– Попробуйте «готтентот». Там наверняка что-то в этом духе. Трудно разгадывать анаграмму вслепую. Нет-нет, Твисбери, а не Присбери.

– *Floribus Austrum*, – нараспев говорила Джозефина, – *perditus et liquidis immisi fontibus arpos*; будучи потерян с цветами на Юге и послан в жидкий фонтан. *Arpos* – это дикие кабаны, и я не понимаю, при чем они здесь.

– Оставим это до завтра. Мне пора. Ну как «готтентот?»

– «Т» лишнее, мадам, – мрачно констатировала горничная.

– Как жаль! Надо будет еще подумать в ванной. Я вернусь через десять минут. Пообщайтесь пока с Джозефиной.

И, выпорхнув из постели, она исчезла. Бритлинг поспешила за ней. Мисс Холлоуэй собрала бумаги. Молодой человек на стремянке с воодушевлением водил кистью по потолку. Джозефина, свернувшись на постели калачиком, следила за ним.

– Ужасно банально. Правда, Таппок?

– Мне нравится.

– В самом деле? А по-моему, все, что Артур нарисовал, банально. Я прочла вашу книгу «Потерянное время».

– Угу. – Таппок не хотел вступать в дискуссию.

– Она мне показалась ужасно банальной.

– Я смотрю, у тебя все «банально».

– Мне нравится это слово. Я его узнала совсем недавно, – с достоинством пояснила Джозефина. – Оно подходит ко всему: и к Вергилию, и к мисс Бритлинг, и к моей гимназии.

– Как обстоят дела в гимназии?

– Я первая ученица в классе, хотя у нас есть девочка старше меня и два умных мальчика.

Когда миссис Ститч говорила «десять минут», это означало десять минут. Верная своему слову, она вошла в спальню одетая и причесанная. Ее прелестное лицо, освобожденное от глины, выражало живейший интерес к происходящему.

– Джозефина, ангел, мистер Таппок тебя не очень утомил?

– Нет, мамочка, не очень, он почти все время молчал.

– Изобрази ему премьер-министра.

– Не хочу.

– Спой неаполитанскую песенку.

– Не хочу.

– Покажи, как ты стоишь на голове. Пожалуйста!

– Не хочу.

– Жаль. Тогда пошли, если мы хотим вернуться из Бетнел-Грин до обеда. На дорогах ужасные пробки!..

Алджернон Ститч отбыл на службу в солидном и несколько старомодном «Даймлере». Джулия, которая обходилась без шофера, дважды в год покупала себе новую модель малолитражки – неизменно черную, лакированно блестящую и крошечную, как катафалк карлика. Выехав на тротуар, она стремительно покатила вперед. У Сент-Джеймского парка машина была остановлена полицейским, который записал ее номер и посоветовал Джулии воспользоваться мостовой.

– Третий раз на этой неделе! – вздохнула она. – Бедный Алджи!

Внедрившись в автомобильную пробку, она заглушила мотор и развернула газету с кроссвордом.

– Это «балласт», – сообщила она, вписывая найденное наконец слово.

Восточный ветер нес по улице выхлопные газы сотен моторов и искрошенную в песок ампирную лепнину с одряхлевшего нэшевского особняка¹, возле которого они стали. Особняк сносили. Джон поежился и втер в глаз немного исторической пыли. Восьми минут пристального внимания оказалось достаточно для решения кроссворда. Миссис Ститч бросила газету через плечо на заднее сиденье и с неприязнью оглядела застывшие вокруг машины.

– Это никуда не годится! – воскликнула она, включила зажигание и, резко вывернув свою малютку на тротуар, поехала по направлению к Пиккадилли, гоня перед собой плотного лысаватого мужчину, покуда он не вскочил на ступеньки клуба «Брукс». Очутившись в безопасности, бегун протестующе повернулся, узнал миссис Ститч и долго кланялся вслед черной точке, уносящейся в сторону Арлингтон-стрит.

– Я всегда говорила, что в этих смешных машинках можно делать то, чего нельзя в настоящих, – заметила Джулия.

От Гайд-парка до Пиккадилли автомобильный поток стоял обреченно и недвижимо, как на фотографическом снимке, и единственными живыми островками в этом стильном море были огороженные заборами пяточки, на которых землекопы с пролетарской лихостью долбили

¹ Джон Нэш (1752–1835) – знаменитый английский архитектор.

землю отбойными молотками, как будто аванпост трудящихся всех стран рвался к проводам и трубам, управляющим жизнью города.

– Я хочу уехать из Лондона, – сказал Джон.

– Даже так? И все из-за этой американки?

– В основном да.

– Я вас предупреждала в самом начале. Она чудовище?

– Честь не позволяет мне ответить на этот вопрос, но чем дальше я отсюда уеду, тем меньше у меня шансов сойти с ума.

– Мне доподлинно известно, что до такого состояния она довела троих мужчин. Куда вы собираетесь ехать?

– Об этом я и хотел с вами поговорить.

Лавина машин конвульсивно дернулась и почти сразу же остановилась. На улицах начали продавать первый выпуск вечерних газет, и ветер трепал страницы, на которых было крупно напечатано: КРИЗИС В ЭСМАИЛИИ! ЗАЯВЛЕНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ!

– Эсмаилия – это заманчиво. Как вы думаете, Алджи не мог бы послать меня туда шпионом?

– Исключено.

– Вы уверены?

– Не сомневаюсь. Алджи увольняет шпионов пачками. Их страшный переизбыток.

Почему бы вам не отправиться туда военным корреспондентом?

– А вы это можете устроить?

– Наверное, могу. К тому же вы были в Патагонии. Вас оторвут с руками и ногами. Но вы в самом деле хотите уехать?

– Да.

– Тогда не будем откладывать дела в долгий ящик. Я сегодня приглашена на ленч к Марго. Коппер там тоже будет, и я переговорю с ним.

II

Когда леди Метроленд говорила «полвторого», это означало «без десяти два», и именно в это время в ее доме на Керзон-стрит появилась миссис Ститч, которую транспортная пробка вынудила оставить машину в гараже на полпути в Бетнел-Грин и ехать к леди Метроленд на метро. В отличие от нее лорд Коппер, обыкновенно евший в час, ждал хозяйку дома с некоторым недоумением. В комнату, где он сидел, время от времени входили хорошо знакомые между собой и неизвестные ему мужчины и женщины, которые не обращали на него никакого внимания. Служащие газетной корпорации «Мегалополитан» вряд ли узнали бы своего повелителя в растерянном человеке, встававшем каждый раз, когда отворялась дверь, в напрасной надежде, что его заметят. Он был чужим здесь и такому страшному испытанию подвергся вследствие собственной недалёковидной щедрости на одном из благотворительных базаров леди Метроленд. Теперь, в разгар делового дня, он готов был заплатить вдвое, чтобы вернуть себе былую свободу. И когда миссис Ститч – вошедшая одновременно с хозяйкой – обратила слепящий свет своего обаяния на него, он обомлел и в считанные секунды перешел от оцепенения к неистовому восторгу.

Действительность немедленно преобразилась, поскольку лорд Коппер стал воспринимать ее с точки зрения того, как она соотносится с миссис Ститч. Он был наслышан о миссис Ститч, порой видел ее издали и вот теперь, впервые в жизни, качался в гипнотических волнах ее внимания. Для сидящих за столом картина была привычной, и они, почти не понижая голосов, ибо лорд Коппер находился в состоянии эйфорического транса, принялись строить догадки, что Джулии от него нужно. «Чек для „Образцового бедлама“», – говорили одни. «Хочет, чтобы

карикатуристы отстали от Алджи», – считали другие. «Сейчас попросит денег», – подумал официант (всегда становившийся к ленчу циником, так как по настоянию леди Метроленд худел). «Кому-то протезирует», – решил самый догадливый, но никто не подумал о Джоне Кортни Таппоке до тех пор, пока миссис Ститч не упомянула его имя. И тут уж все дружно включились в интригу.

– Вы совершенно правы, – сказала она, играючи получив от лорда Коппера заявление, что премьер-министр не является образцом добродетели ни на своем посту, ни в личной жизни, – и все же он, как ни странно, обладает тонким вкусом. На столике у его кровати, например, всегда лежит Таппок.

– Тапок? – преданно, но с некоторой тревогой переспросил лорд Коппер.

– Книга Джона Таппока.

Сидящие за столом поняли намек.

– Ах, этот Джон Таппок, – вздохнула леди Метроленд, – какой ум, какое обаяние! Жаль, что он редко ко мне заглядывает.

– Божественный стилист! – вставила леди Кокперс.

Обедающие принялись на все лады расхваливать Джона Таппока, и лорд Коппер, слышавший это имя впервые, подумал, что надо бы справиться о нем у литературного секретаря.

Теперь, когда ее собеседник узнал о существовании Таппока, миссис Ститч сочла нужным изменить тему разговора и самым лестным образом поинтересовалась мнением лорда Коппера о шансах на мирный исход дела в Эсмаилии. Лорд Коппер твердо пообещал ей гражданскую войну, и миссис Ститч посетовала, что настоящих военных корреспондентов осталось не так уж много.

– А этот, сэр, как его, Хитчкок? – спросила леди Кокперс (и некстати, поскольку означенный дворянин недавно оставил службу у лорда Коппера вследствие весьма язвительного спора, касавшегося битвы при Гастингсе, и переметнулся в стан «Дейли врут»).

– Кого вы собираетесь послать в Эсмаилию? – спросила миссис Ститч.

– Я как раз обсуждаю сейчас это с моими редакторами. Война, на мой взгляд, будет исключительно интересной – этакой мировой катастрофой в миниатюре, и мы собираемся освещать ее как можно шире. Деятельность крупнейших газет, – продолжал лорд Коппер, вновь чувствуя себя ротарианцем² и оракулом, – выходит за рамки обычного репортажа, что понимают далеко не все. Читатель, открывающий газету, даже не подозревает, сколько труда вложено в ее создание. («Умру», – внятно выдохнула леди Метроленд.) Он платит свои пять пенсов, и за них наши военные эксперты, наши лучшие репортеры и первоклассные фотографы поставляют ему самую отборную информацию.

– Да-да-да, – согласилась миссис Ститч. – Самую отборную. Поэтому на вашем месте я послала бы туда кого-нибудь вроде Таппока. Вам, конечно, вряд ли удастся уговорить его самого, но многие ему подражают, и вы...

– Смею вас заверить, дорогая миссис Ститч, что «Дейли свист» умеет договариваться с талантами. Не так давно известнейший поэт написал для нас оду о чистой выручке и ее зависимости от тиража. Он сам признавался мне потом, что ничего более ценного и возвышенного в своей жизни не писал.

– Разумеется, если бы вы смогли заинтересовать самого Таппока, то о большем нельзя было бы и мечтать. Он опытный путешественник, прекрасно пишет и Эсмаилию знает как свои пять пальцев.

– Таппок – божественный репортер, – сочла своим долгом закрепить сказанное леди Кокперс.

² Членом клуба «Ротари», международной организации, объединяющей бизнесменов, юристов, адвокатов, врачей и пр., стремящейся к улучшению благосостояния общества.

Через полчаса миссис Ститч позвонила Таппоку.

– Все в порядке, Джон. Вы едете. Не соглашайтесь меньше чем на пятьдесят фунтов в неделю.

– Да благословит вас бог, Джулия! Вы спасли мне жизнь.

– Пользуйтесь услугами фирмы Ститч! – раздался в ответ веселый голос.

III

Вечером редактор международного отдела «Свиста» мистер Солтер получил приказ явиться на ужин в загородный дом своего патрона в Ист-Финчли. Это был тяжелый удар для человека, обычно работающего допоздна и именно сегодня собравшегося пойти в Оперу. Мистер Солтер и его жена готовились к этому знаменательному событию не одну неделю, и по дороге в уродливую резиденцию лорда Коппера специалист по международным проблемам с тоской вспоминал беззаботные дни, когда он ведал «Уголком домашней хозяйки» или – в совсем уж волшебные времена – подбирал анекдоты для юмористического еженедельника. Глава «Мегалополитан» был убежден, что поддержать работоспособность сотрудников можно, только перебрасывая их из одного отдела в другой. Заветной мечтой мистера Солтера были «Ребусы и головоломки», но пока что он вынужден был нести тяжкий крест международных отношений.

Они ужинали вдвоем: съели суп с петрушкой, хек, жареную телятину, пудинг, выпили виски с содовой. Лорд Коппер объяснил гостю сущность нацизма, фашизма и коммунизма. Позднее, сидя в омерзительной библиотеке, он коснулся положения на Дальнем Востоке. «„Свист“ поддерживает создание сильных и враждебных друг другу правительств во всех странах, – заявил он. – Наш девиз: внутренняя самостоятельность и внешнее самоутверждение!»

Участие в беседе мистера Солтера сводилось к выражению согласия. Когда лорд Коппер был прав, он говорил: «Совершенно верно, лорд Коппер», а когда тот ошибался: «В общем, да, лорд Коппер».

– Как называется этот город, столица Японии? Июкогама, так ведь?

– В общем, да, лорд Коппер.

– А Гонконг принадлежит нам...

– Совершенно верно, лорд Коппер.

Пауза.

– В Эсмаилии будет гражданская война. Я намерен ее освещать. Кого можно послать туда?

– Как вы понимаете, лорд Коппер, мы должны будем послать либо штатного корреспондента, знающего дело, но неизвестного публике, либо какую-нибудь знаменитость со стороны. Видите ли, с тех пор как мы лишились Хитчкока...

– Да-да-да. Знаю. Военный корреспондент номер один. Тинк непременно отправит его туда. Знаю. Но он был не прав! Битва при Гастингсе – это тысяча шестьдесят шестой год, я проверял! И я не могу держать на службе человека, у которого не хватает мужества признать свою ошибку.

– Может быть, воспользоваться услугами кого-то из американцев?

– Нет. Я знаю, кто мне нужен. Таппок.

– Таппок?

– Да, Таппок. Молодой человек, за чьим творчеством я давно наблюдаю. У него редкий стиль, он был в Патагонии, и премьер-министр держит его книги на тумбочке возле кровати. Вы его читали?

– В общем, да, лорд Коппер.

– Тогда свяжитесь с ним завтра же. Договоритесь о встрече. Встреча должна быть сердечной. Сводите его в ресторан. Соглашайтесь на любые условия. То есть на любые разумные условия, – уточнил он, поскольку подобного рода инструкции, выполненные буквально, уже приводили к удручающим последствиям, и велосипедист-трюкач, на которого лорд Коппер обратил внимание в припадке благодушия, осел в спортивном отделе на пять лет, получая пять тысяч фунтов в год.

IV

Мистер Солтер, придя в полдень на службу, застал ответственного редактора погруженным в глубокую депрессию.

– Утренний выпуск страшно взять в руки, – сказал тот. – Мы заплатили профессору Джеллаби тридцать гиней за статью, и теперь все гадают, о чем она. История с зоопарком – «Нож милосердия» – проиграна «Дейли врут» по всем параметрам. Но самое ужасное – это, конечно, спортивный раздел!

Мучаясь от стыда, они прочли опус велосипедиста.

– Кто такой Таппок? – спросил после тяжелого молчания мистер Солтер.

– Знакомое имя, – сказал ответственный редактор.

– Шеф хочет послать его в Эсмаилию. Это любимый писатель премьер-министра.

– Значит, он не тот, о ком я подумал.

– Мне нужно его разыскать, – продолжал мистер Солтер, вяло листая злосчастный утренний выпуск. – Таппок, – повторял он. – Таппок, Таппок. Таппок. Смотрите, вот он. Таппок! Почему шеф не сказал, что он у нас в штате?

На последней странице, униженно зажатый между «Зверюшками-игрушками» и рецептом «Вафель всмятку», помещался неприметный, на полколоники (выделявшиеся каждые две недели для «Природы»), раздел «Луг и чаша», под которым значилось: корреспондент Уильям Таппок, сельский житель.

– Вы думаете, это он?

– Конечно! Премьер-министр помешан на природе.

– Говорят, он первоклассный стилист. «Топкое болото не дрогнет под опущенными лапками дерзкой полевки...» Как вам?

– Да, – сказал ответственный редактор. – Наверное, это и есть хороший стиль. По крайней мере, иначе я это определить затрудняюсь. Теперь я вспомнил, кто он такой, хотя никогда его не видел. По-моему, он никогда не был в Лондоне. Материал посылает почтой. Пишет от руки.

– Мне поручено пригласить его в ресторан.

– Заказывайте сидр.

– Сельские жители его любят?

– Да, сидр и консервированный лосось – традиционные крестьянские лакомства.

– Отправлю ему телеграмму. Странно, что шеф решил послать в Эсмаилию именно его.

Глава 2

I

«Тленье и гниль, тщета перемен всюду взор мой смущают»³, – пропел, выглядывая из окна, дядя Теодор.

Эта громко и с воодушевлением исполненная строка неизменно помогала ему в борьбе с частыми приступами ипохондрии, хотя перемен в доступных его глазу местах не происходило никаких, а тленья и гнили было сколько угодно.

Гигантские деревья, окружавшие Таппок-Магна-холл и затенявшие дороги и тропинки, которые вели к нему, росли по одному и группами, подчиняясь капризу какого-то давно забытого провинциального предшественника Рептона. Они жестоко страдали – кто от плюща, кто от последствий гроз, кто от многочисленных болезней, истребляющих растительный мир, и все без исключения – от старости. Одни держались на железных костылях и веревках, внутри других был залит цемент, третьи даже сейчас, в июне, украшала лишь маленькая горсть листьев на макушке. Их жизненные соки истощались и текли медленно. После бурной ночи земля всегда бывала усеяна мертвыми ветками.

Озером правили загадочные течения. Иногда, как, например, сейчас, оно стягивалось в единую, мутную лужу, обнажая хаос грязи и камыша, иногда вспухало, затопляя пять акров пастбища. Когда-то в сторожке жил человек, который знал, как работает водная система. В тростнике прятались ворота шлюзов и люки, снабженные кранами и затычками, и их местонахождение было известно ему одному. Этот человек умел управлять искусственным водопадом, он же заставлял дельфина на Южной террасе выплескивать из пасти высокую струю воды. Но он уже пятнадцать лет лежал в могиле, и тайна умерла вместе с ним.

Дом был большим, но не чрезмерно большим для семейства Таппок, насчитывавшего в данный момент восемь человек. В прямом родстве между собой состояли: Уильям, которому принадлежали дом и участок, его сестра Присцилла, утверждавшая, что ей принадлежат лошади, вдовья мать Уильяма, которой принадлежало содержимое дома (она же осуществляла расплывчатые права на цветник), и вдовья бабушка Уильяма, которой, по всеобщему мнению, принадлежали деньги. Сколько их у нее, не знал никто, ибо она, сколько Уильям себя помнил, была прикована к постели, но именно от нее поступали чеки, позволявшие держать в равновесии финансовый баланс семьи и оплачивать редкие, но опустошительные набеги дяди Теодора на Лондон. Дядя Теодор, старший из боковой ветви, был, вне всякого сомнения, самым лихим Таппоком. Самым степенным был дядя Родерик, занимавшийся домом и усадьбой, когда Уильям был ребенком, и продолжавший это занятие и теперь с небольшим, но устойчивым годовым дефицитом, ликвидировать который помогал бабушкин чек. Уильям приходился племянником тете Энн, старшей сестре отца. Ей принадлежал автомобиль – средство передвижения, оборудованное в соответствии с запросами хозяйки: его гудком можно было манипулировать с заднего сиденья, поэтому еженедельный проезд тети Энн через деревню в церковь отзывался в ушах ее жителей трубным гласом второго пришествия. Дядя Бернар посвятил себя науке, но широкого признания не получил, поскольку его исследования, глубина которых поражала, проводились в чрезвычайно узкой области – дядя Бернар интересовался только собственной родословной. Он проследил происхождение своего рода по трем различным линиям, восходящим к Этельреду Нерешительному, и лишь отсутствие средств мешало ему потребовать себе через суд потерявший хозяина титул барона де Таппа.

³ Строчка из стихотворения английского поэта Г.-Ф. Лайта (1793–1847).

Каждый Таппок имел приблизительно сто фунтов в год на карманные расходы, поэтому им выгодно было жить вместе, в Таппок-Магна, где жалование слуг и содержание домочадцев включалось в ежегодный дефицит дядей Родериком. Самой богатой из домочадцев была няня Блогс, прикованная к постели последние тридцать лет. У нее были наличные, и она хранила их в красном фланелевом мешке под подушкой. Дядя Теодор не раз покушался на этот мешок, но няня Блогс была старушкой не промах, и, поскольку давнишняя неприязнь к дяде Теодору сочеталась у нее со сверхъестественной способностью угадывать самые невероятные двойные одинары на скачках, ее сокровища неуклонно росли. Библия и скаковые программки были ее единственным чтением. Она получала огромное удовольствие от того, что под большим секретом сообщала каждому члену семьи в отдельности, что он (или она) – ее наследник.

В других комнатах лежали: няня Прайс (она была на десять лет моложе няни Блогс и прикована к постели примерно столько же, сколько та; няня Прайс посылала свое жалование миссионерам в Китай и не пользовалась в доме большим авторитетом), сестра Уотс (первая няня бабушки Таппок) и сестра Сэмпсон (ее вторая няня), мисс Скоуп (гувернантка тети Энн, старейший инвалид дома, она слегла раньше самой бабушки Таппок) и Бентинк (дворецкий). Джеймс (первый лакей) тоже проводил большую часть жизни в постели, но по теплым дням мог сидеть в кресле у окна. Няня Гренджер была пока на ногах, но, поскольку в ее обязанности входил уход за всеми, кто лежал, ей, по общему мнению, недолго оставалось гулять и резвиться. Десять слуг обихаживали домочадцев и друг друга, но лишь урывками, поскольку у них было мало свободного времени в промежутках между пятью мясными трапезами, которые по традиции предоставлялись им ежедневно. Стоит ли удивляться, что Таппоки никогда не приглашали к себе гостей и слыли в округе «бедными, как церковные крысы».

Модный беллетрист Джон Кортни Таппок приходился им дальним родственником, или, как сказал бы дядя Бернар, «представителем малой негеологической ветви». Уильям никогда не встречался с ним – он вообще мало с кем встречался. Было бы преувеличением сказать, как это сделал ответственный редактор «Свиста», что он никогда не бывал в Лондоне, но его поездки туда были столь редкими, что каждая из них помнилась ему во всех леденящих душу подробностях.

«Гленье и гниль, тщета перемен всюду взор мой смущают», – пропел дядя Теодор. Он любил спеть эту строчку много раз подряд. Дядя Теодор ждал утренних газет. Уильям и дядя Родерик тоже. Газеты между одиннадцатью часами и полуднем приносил мясник, и если ими не удавалось завладеть немедленно, то они, зачастую покрытые красными пятнами, исчезали в комнатах страждущих и возвращались назад только к чаю, да и то безнадежно искалеченные, поскольку Бентинк и бабушка Таппок вырезали из них все, что их интересовало, а сестра Сэмпсон – купоны, которые теряла потом в простынях. В то утро газеты запаздывали, и это очень беспокоило Уильяма.

Он никогда не был в «Мегалополитан» и не знал никого из служащих «Свиста». «Луг и чашу» ему передала по наследству вдова их приходского священника, предыдущего автора рубрики. Уильям сперва с трудом, а теперь почти без всякого усилия стилизовал свои заметки под усопшего. Эта работа значила для него очень много: за каждую публикацию он получал по гинее и имел прекрасный повод для безвылазной жизни в деревне.

Теперь над этим нависла опасность. В предыдущий четверг произошло ужасное событие. Уильям, вдумчиво побеседовав с лесничим, проведя полчаса в библиотеке за чтением энциклопедии и подкрепив полученные сведения собственными жизненными наблюдениями, составил лирическое и вместе с тем фенологически безупречное описание барсучьих повадок – им можно было гордиться. Эту рукопись обнаружила игриво настроенная Присцилла и везде «барсука» заменила на «сойку». В субботу днем Уильям развернул «Свист» – и обмер: шутка сестры явилась для него полной неожиданностью.

На следующий день начали прибывать письма. Некоторые из его корреспондентов были настроены скептически, некоторые иронично. Одна дама спрашивала, как он может оправдывать травлю редких, восхитительно красивых птиц терьерами, а также намеренное разрушение их земной юдоли, и как с этим можно мириться в так называемом двадцатом веке? Майор из Уэльса категорически требовал представить ему свидетельства хотя бы одного случая нападения сойки на кроликов. Это было мучительно. Всю неделю Уильям ждал извещения о своем увольнении, но дни шли, а «Свист» молчал. Он сочинил и отправил изящное эссе о водяных полевках и приготовился к худшему (возможно, гнев «Свиста» был слишком велик, чтобы он мог надеяться на возвращение рукописи, и в таком случае в среду «Луг и чаща» принадлежали бы перу другого автора). Настала среда, принесли газету. Уильям дрожащими руками открыл знакомую страницу. Полевка была там – в зеленом оазисе между «Вафлями всмятку» и «Зверюшками-игрушками»: «Топкое болото не дрогнет под опущенными лапками дерзкой полевки...» Гроза прошла стороной. Вероятно, его спасло чудо.

Дядя брюзгливо требовали газету. Он с готовностью протянул ее им и, отойдя к окну, взглянул, жмурясь от счастья, на картину летнего утра: за живой изгородью, весело взбрыкивая, кружили лошади.

– Черт знает что! – раздался позади голос дяди Родерика. – о крикете опять ничего нет, вся страница посвящена какому-то идиотскому велокроссу на криклвудском стадионе.

Уильяму было все равно. Под влиянием переполнявших его чувств он решил пожертвовать грызунами (к которым питал особую слабость) и написать для субботнего выпуска что-нибудь о полевых цветах и птичьих трелях. Он мог бы даже – почему нет? – процитировать кого-то из любимых поэтов:

Ужели ты волшебным утром спишь,
Когда несутся птичьи трели? —

пропел он, мысленно обращаясь к возлежащим в верхних комнатах, и в этот момент на пороге, сопя, появился дряхлый посыльный Траутбек и, тяжело ступая, двинулся к Уильяму. На губах у него были крошки, в руках – телеграмма. Два чувства боролись в нем: любопытство и негодование; любопытство, поскольку телеграммы в Таппок-Магна были событиями редчайшими, и негодование, поскольку ему пришлось прервать «перекус» – роскошное и несуетное застолье, которым прислуга бывала занята от половины одиннадцатого до полудня.

Выражение лица Уильяма быстро убедило Траутбека, что его оторвали от стола не по пустячному поводу.

– Плохие новости, – сообщил он, вернувшись. – Хуже не бывает. Плохие новости для мастера Уильяма.

– Вряд ли кто-нибудь умер, – сказала вторая помощница старшей горничной. – Вся семья тут.

– Зачем зря гадать? Скоро узнаем, – сказал Траутбек. – Мастера Уильяма как громом поразило. Я вас попрошу передать мне кетчуп.

Новости и впрямь были плохими. Уильям, забыв о солнце и шаловливых лошадках, не слыша хриплого дыхания дяди Теодора, читал и перечитывал настигший его приговор: **НЕОБХОДИМО ВАШЕ НЕМЕДЛЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ ЗДЕСЬ ТРЕБОВАНИЮ ЛИЧНО ЛОРДА КОППЕРА СОЛТЕР СВИСТ.**

– Что-нибудь серьезное? – спросил дядя Теодор, которому в былые дни телеграммы приносили вести ничуть не менее тревожные, чем любому другому человеку.

– Да, – ответил Уильям. – Меня вызывают в Лондон.

– Вот как? Интересно. Я как раз тоже туда собирался...

Последняя фраза дяди Теодора повисла в воздухе, так как Уильям, не теряя времени, уже пускал в ход неповоротливый домашний механизм приготовлений к своему – увы – немедленному отъезду.

II

Наскоро пообедав, Уильям отправился попрощаться с бабушкой. Она взглянула на него скорбными, безумными глазами.

– Едешь в Лондон? Вряд ли я доживу до твоего возвращения. Оденься потеплее, дорогой. В солнечной спальне миссис Таппок царит вечная зима.

Его провожали все, кто стоял на ногах. Присцилле душили слезы раскаяния. Няня Блогс выслала ему из своей комнаты три золотых соверена. Автомобиль тети Энн должен был довезти его до станции. В последнюю минуту туда попытался юркнуть дядя Теодор, но его заметили, схватили и увели.

– Хотел повидать одного знакомого с Джермин-стрит, по делу, – тоскливо бормотал он.

Поездка кого-либо из Таппоков в Лондон всегда бывала событием нешуточным, а в случае с Уильямом трагическим, как похороны. По крайней мере дважды по дороге на станцию и затем дважды по пути в Лондон Уильям с трудом поборол искушение вернуться. Зачем, в самом деле, он спешил в этот ужасный город? Чтобы подвергнуться словесному или даже физическому нападению (что он, собственно, знал о темпераменте лорда Коппера)? Мужество, однако, победило, и Уильям решил одолеть врага хитростью. Лорд Коппер был всего-навсего горожанином и вряд ли мог отличить барсука от сойки. Почему он должен был верить не Уильяму, а каким-то вздорным графomanам (в газету, как известно, пишут одни только ненормальные)? Когда поезд подходил к Уэстбери, Уильям мысленно репетировал сцену, в которой он стоял, расправив плечи, посреди редакции «Свиста» и бросал вызов доктринерской зоологии Флит-стрит – он, Таппок, по трем линиям ведущий свой род от Этельреда Нерешительного, полноправный пятнадцатый барон де Тапп, гордый, как принц, простодушный, как крестьянин. «Лорд Коппер! – говорил он. – Никто не вправе называть меня лжецом безнаказанно. И я заявляю: да, сойка впадает в спячку!»

Он навестил вагон-ресторан и потребовал виски.

– Мы сейчас подаем только чай, – сказал официант. – Виски после Рединга.

После Рединга Уильям сделал вторую попытку.

– Сейчас мы подаем обед. Я принесу виски вам в купе.

Когда виски наконец принесли, Уильям пролил его себе на галстук, а официант получил один из соверенов няни Блогс, ошибочно принятый Уильямом за шиллинг. Соверен был с презрением возвращен владельцу, и все купе уставилось на него. Человек в котелке сказал:

– Дайте-ка посмотреть... Большая редкость в наши дни. Может, сыграем? Бросаю я. Орел или решка?

– Орел, – сказал Уильям.

– Решка, – отозвался человек в котелке, взглянув на монету и кладя ее себе в карман.

Затем он вернулся к чтению газеты. Пассажиры продолжали буравить Уильяма взглядами, и он вновь стал терять присутствие духа. Так бывало всегда: стоило ему покинуть Таппок-Магна, как его со всех сторон обступал неведомый и враждебный мир. Обратный поезд был в десять часов вечера, и никакие силы не заставили бы Уильяма пропустить его. Он встретится с лордом Коппером, откровенно все ему объяснит, попросит прощения и – со щитом ли, на щите ли – вернется десятичасовым поездом домой. После Рединга Уильям сделал ставку на смирение. Он расскажет лорду Копперу о слезах Присциллы – сердца великих людей, как известно, тают от подобных откровений. Сидящий напротив мужчина взглянул на него поверх газеты:

– Еще такие бляшки есть?

- Нет.
- Жалко.

В семь часов он прибыл на Паддингтонский вокзал, и ужасный город поглотил его.

III

Здание «Мегалополитан» (Флит-стрит, 700–853) поражало воображение. Сначала Уильям подумал даже, что шофер такси, распознав в нем простака, отвез его в другое место.

Знакомство Уильяма с официальными учреждениями было весьма ограниченным. По достижении совершеннолетия он провел несколько дней в конторе семейного адвоката на Кингз-Бенч-уок. Дома он бывал у агента по продаже недвижимости, на аукционе, в банке и в ратуше. Однажды в Таунтоне он видел малопонятный фильм из жизни нью-йоркских газетчиков, где нервные молодые люди без пиджаков и в зеленых козырьках, защищающих глаза от света, разрывались между телефоном и телеграфическим аппаратом, оскорбляя и предавая друг друга в обстановке невыносимой грязи и мерзости. Что-то подобное он ожидал увидеть и здесь, и тем более тяжелым ударом явились для него византийский вестибюль и сасанидский холл Коппер-хаус. У него даже мелькнула мысль, что он попал в заведение, конкурирующее с Королевским автомобильным клубом, или в его новый и более доступный филиал. Шесть лифтов находились в непрерывном движении. Их двери распахивались с головокружительной частотой то слева, то справа, то слева и справа одновременно, как заводные. Внутри стояли девушки в гусарской форме. «Вверх!» – пронзительно кричали они и, не дожидаясь, пока кто-нибудь войдет в кабину, захлопывали двери и исчезали. Десятки, если не сотни, женщин и мужчин всех возрастов и сословий сновали перед глазами Уильяма. Единственными неподвижными предметами были золотая, с инкрустациями из слоновой кости статуя лорда Коппера в горностаевой мантии, вознесенная над толпой многоугольным малахитовым пьедесталом, и швейцар, тоже крупнее простых смертных, надменно глядящий сквозь зеркальное стекло, словно рыба из аквариума. В его подчинении находилась дюжина мальчишек-рассыльных в небесно-голубой униформе, которые в промежутках между поручениями щипали друг друга исподтишка на длинной скамье. Число медалей, полыхавших на груди швейцара, значительно превышало число сражений, сыгранных за всю историю человечества. Отыскав в окружавшем его заграждении маленькое отверстие, Уильям робко спросил:

- Его светлость у себя?
- У нас в штате шестнадцать светлостей. Кто вам нужен?
- Я хотел бы видеть лорда Коппера.
- А-а... Сирил, дай джентльмену бланк и посади его.

Мальчишка в голубом отвел Уильяма к письменному столу и дал ему листок бумаги. Уильям написал: «Мистер Таппок хотел бы побеседовать с лордом Коппером. Предмет беседы: сойки».

Сирил отнес листок швейцару. Тот прочитал его, бросил на Уильяма пронизывающий взгляд и изрек:

- Сюда его.
- Уильяма подвели.
- Вы хотите видеть лорда Коппера?
 - Да, если можно.
 - По поводу соек? Нельзя.
 - Еще из-за барсуков, – сказал Уильям. – Мне трудно объяснить это в двух словах.
 - Не сомневаюсь. Знаете что? Ступайте через дорогу и расскажите свою историю лорду Тинку из «Дейли врут». Он ее с удовольствием выслушает.
 - Но меня вызвали сюда, – сказал Уильям и предъявил телеграмму.

Швейцар внимательно прочитал ее, поглядел на свет, прочитал вновь и сказал:

– На самом деле вам нужен мистер Солтер. Сирил, дай джентльмену другой бланк.

И через пять минут Уильям очутился в кабинете редактора международного отдела.

Они стояли друг перед другом в глубоком замешательстве. Уильям, полагавший, что час возмездия пробил, ждал, холодея от страха, уготованной ему кары. На долю мистера Солтера выпала более активная роль. Он должен был проявить сердечность к деревенскому увальню, обольстить его веселой беседой и щедрым угощением и ошеломить предложением лорда Коппера.

О сельской жизни мистер Солтер знал немного. Он родился в Лондоне, в Западном Кенсингтоне, и там же окончил школу. Вне стен «Мегалополитан» он вел безупречно добродетельную жизнь в своем доме в Велвингарден-сити. Ежегодный отпуск он чаще всего тоже проводил дома, хотя несколько раз, когда миссис Солтер жаловалась на переутомление, они ездили на фешенебельные курорты Восточного побережья. Для него «деревней» было то, что он видел в окне поезда между вокзалом Ливерпуль-стрит и Фринтоном. Если бы психоаналитик, интересующийся его ассоциациями, сказал вдруг мистеру Солтеру слово «ферма», то получил бы, к своему удивлению, ответ «пушка», поскольку именно на ферме во Фландрии его накрыло однажды взрывной волной и он долго выбирался потом из глины. Это был его единственный близкий контакт с землей, и он породил в нем твердое, хотя, конечно, и спорное представление о сельской жизни как о чем-то чуждом и в высшей степени опасном. По его разумению, нормальная жизнь состояла из регулярных поездок на службу, выплаты жалованья, общественных увеселений и уютной панорамы крыш и дымоходов на горизонте. Деревня же с ее удаленностью и независимостью, с ее грубыми развлечениями, мраком, тишиной и внезапными, пугающими звуками представляла собой что-то антианглийское и даже противоестественное. Там на вас в любую минуту мог наброситься бык или какой-нибудь мужлан с вилами, или стая собак, готовая разорвать цивилизованного горожанина на куски.

Мистер Солтер обошел всю редакцию, собирая мнения о том, что может найти отклик в душе сельского жителя. «Лучшая тема для беседы – кормовая свекла, – было сказано ему. – Только не называйте ее так, фермеры на этот счет очень чувствительны. Называйте ее „корешки“...»

Он сердечно улыбнулся Уильяму.

– А-а, Таппок... Очень рад. Прежде нам не приходилось встречаться, но с творчеством вашим я, разумеется, знаком. Садитесь, пожалуйста. Курите... – («Стоп», – сказал ему внутренний голос.) – Впрочем, вы, может быть, предпочитаете нюхательный табак?

Уильям закурил. Они сидели друг против друга. Между ними на столе лежал открытый географический атлас, в котором мистер Солтер безуспешно пытался отыскать Рейкьявик.

Последовала пауза, в продолжение которой мистер Солтер сочинил веселую и бесхитростную преамбулу: «Ну как там корешки, Таппок?» Однако вслух он почему-то произнес:

– Ну как там творожки, Каппок?

Уильям, обреченно ждущий бури, вздрогнул.

– Простите? – сказал он.

– Я хотел сказать, таппошки... – пробормотал мистер Солтер.

Уильям пал духом. Мистер Солтер тоже пал духом. Они смотрели друг на друга беспомощно и неотрывно.

– Как охота? – предпринял новую попытку мистер Солтер. – Лис много?

– Сейчас ведь лето. Охоты нет.

– Ну да, конечно, все разъезжаются...

Последовала новая пауза.

– А что ящур? Свирепствует? – с надеждой спросил мистер Солтер.

– Слава богу, нет.

– А-а.

Оба опустили глаза и увидели атлас.

– Вы случайно не знаете, где находится Рейкьявик?

– Нет.

– Жаль. Я надеялся, что вы скажете. Здесь никто не может найти.

– Вы поэтому хотели меня видеть?

– Нет-нет, что вы, совсем наоборот!

Еще одна пауза.

Уильяму все стало ясно. Симпатичному маленькому человеку поручили уволить его, а он не мог заставить себя это сделать. И Уильям решил помочь ему.

– Вы, наверное, хотите поговорить со мной о сойках.

– Упаси бог! – воскликнул мистер Солтер с неподдельным ужасом, но тут же вежливо добавил: – Разве что вы хотите.

– Нет, что вы! – сказал Уильям. – Я думал, это вам интересно.

– Ну что вы! – сказал мистер Солтер.

– Вот и хорошо.

– Да, хорошо... – И уже в полном отчаянии: – А не выпить ли нам сидра?

– Сидра?

– Да. Вы ведь, наверное, привыкли пить в это время сидр. Тут рядом неплохой бар.

Журналисты в американском фильме пили водку. Уильям молча и заинтригованно последовал за мистером Солтером. Они спускались в лифте с удивительным человеком – лысым, молодым, сухим, как мумия, и одетым в коричнево-белый клетчатый костюм. Человек курил сигару.

– Новый спортивный редактор, – извиняющимся тоном пояснил мистер Солтер, когда человек отошел от них в вестибюле на порядочное расстояние.

В баре, где обычно собирались репортеры «Свиста», официантка выслушала их с удивлением.

– Сидр? Сейчас узнаю.

Через несколько минут на столике перед ними появились две бутылки сладкой шипучей жидкости, которую Уильям и мистер Солтер пригубили с большой осторожностью.

– Может, вы у себя на ферме пьете что-то другое?

– Честно говоря, сидр я пью редко. Мы, конечно, угощаем им крестьян. Иногда я к ним присоединяюсь.

И, испугавшись, что собеседник сочтет его снобом, Уильям добавил:

– Мой дядя Бернар пьет его от ревматизма.

– А вы уверены, что не предпочли бы сейчас чего-нибудь другого?

– Нет.

– То есть не предпочли бы?

– То есть предпочел бы.

– В самом деле?

– В самом деле. С радостью.

– Отлично! – воскликнул мистер Солтер, и с этого момента их отношения приобрели новую, более теплую окраску. Нельзя сказать, что беседа пошла веселей, но они нашли точку соприкосновения – их роднила нелюбовь к сидру.

Мистер Солтер с энтузиазмом поддержал нарождающуюся тему.

– Так, значит, вы не любите сидра, – сказал он. – Я его тоже не люблю.

– Да, – сказал Уильям, – не люблю с тех самых пор, как мне в детстве стало плохо от запаха сена.

- У меня от него расстраивается пищеварение.
- Точно.
- А от виски вреда еще никому не было.
- Никому.
- Тема явно иссякала. Мистер Солтер попробовал новый вариант:
- А как насчет домашнего вина? У вас его, наверное, много?
- Не очень... – Уильям почувствовал, что настает его очередь. Он сделал глоток, подумал и наконец произнес: – Вам, наверное, приходится много работать?
- Да, очень...
- Скажите... Я часто думал... у вас свои машины, или вы отсылаете материал в типографию?
- У нас свои машины.
- Да? Они, наверное, очень быстро работают?
- Да.
- То есть все должно быть написано, отпечатано, проверено и так далее в один день, иначе новости устареют. Я имею в виду, люди узнают о них по радио.
- Да.
- Вы сами часто бываете в типографии?
- Нет. Я редактор международного отдела.
- Ах вот почему вы хотели найти Рейкьявик!
- Да.
- Так трудно знать, где находятся все эти города!
- Да.
- Я имею в виду, их так много.
- Да.
- Я никогда не бывал за границей.
- Такой шанс упускать было нельзя.
- А вы не хотели бы съездить в Эсмаилию?
- Нет.
- Совсем нет?
- Совсем. Во-первых, мне не по карману дорога.
- О, дорогу мы бы вам оплатили, – снисходительно рассмеялся мистер Солтер.
- Вот оно что. Депортация. Ощущение неминуемой расплаты, которое преследовало Уильяма последние три часа, приобрело осязаемые и жуткие очертания. Это было уже чересчур. В конце концов, на его стороне были свобода совести и бессмертие души. Помня о них, Уильям встал и ринулся в бой.
- Ну знаете ли, – сказал Уильям, и голос его зазвенел. – Всему есть предел. Да, с сойкой я допустил ошибку, серьезную ошибку. Кстати сказать, моей вины в этом нет. Я приехал сюда все объяснить, извиниться и, если необходимо, возместить нанесенный ущерб. Вы отказались меня выслушать. Когда я спросил, нуждается ли вы в моих объяснениях, вы сказали: «Упаси бог!» И все это время вы хладнокровно планировали мою высылку из страны – из-за какого-то пустяка, с моей точки зрения, простительного пустяка! Да кто он такой, ваш лорд Коппер?! Его тщеславие безгранично! Если ему угодно забыть о полутора годах моей самозабвенной работы в его газете, он вправе меня уволить, но...
- Таппок, старина! – вскричал мистер Солтер. – Вы меня не так поняли. После премьер-министра нет более преданного почитателя вашего таланта, чем лорд Коппер. Он хочет командировать вас в Эсмаилию.
- И он оплатит мне дорогу назад?
- Разумеется!

– О, это несколько меняет дело... Но все равно... что за странная идея! Представляете, как будет выглядеть «Луг и чаща», когда я начну писать о песчаных бурях, львах и прочих эсмаильских чудесах?

– Давайте обсудим это за обедом.

Такси отвезло их через Флит-стрит и Стрэнд в ресторан, где сотрудники «Свиста» всегда кормили авторов за счет газеты.

– Вы в самом деле хотите консервированного лосося?

– Нет.

– Правда?

– Правда.

Мистер Солтер вновь взглянул на своего гостя с одобрением и протянул ему меню.

Уважение, которое Уильям заслужил у него нелюбовью к сидру, возросло еще больше по мере того, как он делал заказ. Как это ни странно, Уильям не потребовал ни маринованных орехов, ни корнуэльского пирожка, равно как не привлек к себе всеобщего внимания, подобно будапештскому корреспонденту, которого мистер Солтер потчевал недавно здесь же (узнав, что никто из поваров не способен приготовить экзотические мадьярские кушанья, тот вызвался все сделать сам и сотворил на глазах у озадаченных официантов с помощью жаровни и спиртовки тошнотворный соус из сладких перцев, меда и миндаля). Уильям заказал жаркое-ассорти, и, пока он ел, мистер Солтер неназойливо пытался разжечь в нем интерес к предложению лорда Коппера.

– Видите того человека? Это Паппенхакер.

Уильям взглянул:

– Да?

– Самый умный журналист на Флит-стрит.

Уильям посмотрел еще раз. Паппенхакер был смуглым молодым человеком в гигантских роговых очках и со щетиной на скошенном подбородке. Он отчитывал официанта.

– Да?

– Едет в Эсмаилию от «Дейли грош».

– По-моему, он чем-то очень раздражен.

– Не думаю. Он всегда так себя ведет с официантами. Дело в том, что он коммунист. Большинство сотрудников «Гроша» – коммунисты, они все учились в университете. Паппенхакер считает, что вежливо обращаться с пролетарием – значит поддерживать капиталистическую систему. Конечно, он очень умный, но его недолюбливают.

– Похоже, он собирается драться.

– Ничего удивительного. С ним это бывает. Его даже перестали пускать в некоторые рестораны. Видите, с какими интересными людьми вы познакомитесь, когда поедете в Эсмаилию.

– А это не опасно?

Мистер Солтер усмехнулся. Такую же улыбку вызвал бы у него, наверное, исследователь Арктики, обеспокоенный майским похолоданием в Уэльсе.

– По сравнению с тем, к чему вы привыкли у себя в деревне, – пустяки, – сказал он. – Вы не представляете, как далеко военные корреспонденты находятся от передовой. Хитчкок, например, всю абиссинскую кампанию освещал, сидя в Асмаре, а материалы присылал на редкость острые. И вообще, мы вас застрахуем на пять тысяч фунтов! Нет, Таппок, нет, вам не стоит бояться опасности.

– И вы будете по-прежнему выплачивать мне жалованье?

– Конечно.

– Не считая дорожных расходов туда и обратно и суточных?

– Да.

После долгого раздумья Уильям произнес:

– Нет.

– Нет?

– Нет. Большое спасибо, но я все-таки не поеду. Это совершенно не для меня. – Он взглянул на часы. – Извините, мне пора на вокзал, иначе я опоздаю на поезд.

– Послушайте, – сказал мистер Солтер. – Мне кажется, вы не совсем понимаете сложившуюся ситуацию. Лорд Коппер чрезвычайно вас ценит и, по правде говоря, настаивает, чтобы в Эсмаилию поехали именно вы. Мы готовы платить вам очень хорошие деньги. Пятьдесят фунтов в месяц.

– Пятьдесят фунтов в месяц? – повторил, выпучив глаза, Уильям.

– В неделю, – поспешно исправился мистер Солтер.

– Боже милостивый! – сказал Уильям.

– И подумайте, сколько вы сможете требовать дополнительно на текущие расходы, – нажал мистер Солтер. – По крайней мере, еще фунтов двадцать. Я помню отчеты Хитчкока, когда он работал на нас в Шанхае. За одних только верблюдов он потребовал триста фунтов.

– Но я не уверен, что мог бы справиться с верблюдами!

Мистер Солтер понял, что нужно выражаться яснее.

– Возьмем такой пример, – начал он. – Вам захотелось поужинать. Что дальше? Вы идете в ресторан, заказываете все, что пожелаете, не отказываете себе ни в чем. Вам приносят счет – скажем, два фунта. А в отчете вы пишете: «Пять – деловой завтрак». В результате вы прекрасно поужинали, заработали лишних три фунта, и все довольны.

– Но поймите, я не люблю ресторанов, к тому же дома за ужин платить вообще не надо. Слуги просто приносят его в столовую.

– Тогда представьте, что вам захотелось послать девушке цветы. Пожалуйста. Вы идете в магазин, отправляете ей букет орхидей и включаете их в отчет как «информацию».

– Но у меня нет девушки, а цветов и дома хватает. – Уильям снова посмотрел на часы. – Извините, но мне действительно пора. У меня обратный билет на сегодня. Давайте сделаем вот что: я посоветуюсь с домашними и дам вам знать недели через две.

– Лорд Коппер хочет, чтобы вы отбыли в Эсмаилию завтра.

– Но это в любом случае невозможно! Я даже не успею собраться. И потом, мне, наверное, пришлось бы купить кое-что из одежды. Нет-нет, что вы, это исключено.

– Мы могли бы предложить вам жалованье побольше.

– Огромное спасибо, но дело не в жалованье. Я просто не хочу ехать.

– Неужели вы ничего не хотите?

– Знаете, наверное, нет. Хочу только жить дома и писать в «Луг и чашу».

Как это было знакомо! За пятнадцать лет, которые мистер Солтер проработал в «Мега-лополитан», он слышал подобные слова от бесчисленного количества коллег и сам произносил их. В порыве сострадания он вспомнил то утро, когда его подняли из-за стола в отделе «Смех да и только», куда ему не суждено было вернуться вновь. Юмор был его отрадой и гордостью, его, в этом не было сомнений, истинным призванием... По утрам он вскрывал почту и раскладывал присланные читателями шутки (один человек присылал их по тридцать-сорок в неделю) на три стопки: старые, неприличные и те, за которые не жалко было послать телеграфом полкроны после публикации. Следующий час или два он просматривал подшивки «Панча», отмечая то, что казалось ему интересным, а затем всецело отдавался увлекательной игре соединения выбранных шуток со смешными картинками, заготовленными для него предварительно художественным редактором. О, нежный и робкий рассвет дня, несущего бурю! Его оторвали от этой упорядоченной, чистой хирургии и швырнули в безжалостную мясорубку «Женской странички», а потом, раздавленного и оплеванного, кинули в международный отдел... Сердце мистера Солтера истекало кровью, когда он смотрел на Уильяма, но верность суровым тра-

дициям ремесла была сильнее. Он произнес слова, заставившие замолчать многие поколения свободолюбивых новичков:

– Но лорд Коппер считает, что его сотрудники должны выполнять свой долг там, где этого требуют интересы газеты. Не думаю, что он станет держать на службе человека, в чьей лояльности у него возникнут сомнения, – чем бы тот ни занимался.

– Вы хотите сказать, что, если я не поеду в Эсмаилию, он меня выгонит?

– Да, – сказал мистер Солтер. – Именно это я... то есть лорд Коппер, хотел сказать... Советую вам выпить еще стакан портвейна, прежде чем мы вернемся в редакцию.

Глава 3

I

Квадратное окно, помещенное неизвестно почему на уровне плеча сразу над низкой деревянной панелью, окаймленное снаружи плющом; сучья видневшейся сквозь него гигантской араукарии; полоска выцветших обоев, на которых висела акварель, изображавшая местную церковь и созданная мисс Скоуп, когда она была еще хоть куда, маленькая полка наобум собранных книг, чучело хорька, чья смерть от крысиного яда омрачила когда-то пасхальные каникулы, которые он, ученик частной школы, проводил дома, – вот что приветствовало Уильяма справа и слева, когда он просыпался в Таппок-Магна.

Наутро после встречи с мистером Солтером он со вздохом облегчения пробудился от кошмара, в котором его, в тысяче жутких обличей, преследовал лорд Коппер, и не увидел ничего, кроме черной тьмы. Сначала он подумал, что до рассвета еще несколько часов. Затем вспомнил, что на дворе лето, вспомнил и те страшные предутренние часы полусна-полуяви, когда он – в золотистом оперении сойки – бежал барсучьими ходами, и с ужасом подумал, что ослеп. Затем – что сошел с ума, поскольку ему стало казаться, что в нескольких дюймах от его уха пронзительно звенит звонок. Сев в постели, он обнаружил, что гол по пояс и вообще гол (это подтвердило дальнейшее исследование). Протянув руку, он обнаружил телефон. Когда он снял трубку, звонок перестал звенеть, а женский голос произнес: «Соединяю с мистером Солтером». И тогда Уильям вспомнил чудовищные события прошлого вечера.

– Доброе утро, – сказал мистер Солтер. – Решил позвонить пораньше. Вы, наверное, рано поднимаетесь? То-се, коров подоить, лисицу загнать, верно?

– Нет, – сказал Уильям.

– Нет? Гм, я тоже в редакции раньше одиннадцати не появляюсь. Хотел узнать, все ли вам ясно относительно поездки или у вас все же есть какие-нибудь вопросы?

– Да.

– Я так и думал. Приезжайте в редакцию, когда будете готовы.

Пошарив в темноте, Уильям нащупал один из дюжины выключателей, управлявших освещением различных частей спальни. Он обнаружил свои часы и выяснил, что уже десять. Он обнаружил длинный ряд кнопок и вызвал коридорного и официанта.

Накануне он был слишком полон новыми впечатлениями, чтобы обратить внимание на комнату, куда его в конце концов доставили. Это произошло в два часа ночи. После ужина они вернулись в «Мегалополитан», и Уильяма с головокружительной скоростью повели по каким-то комнатам. Его познакомили с ответственным редактором, с помощником ответственного редактора, с художественным редактором (который выдал ему фотоаппарат), с бухгалтером, с советником по иностранным делам и с множеством мужчин и женщин, которые явно неплохо зарабатывали, но не имели определенных обязанностей. Они как из-под земли выскакивали перед теми официальными лицами, с которыми разговаривал Уильям. Он подписал контракт, страховку, расписки за фотоаппарат, пишущую машинку и целую кипу билетов и аккредитивов на сумму в тысячу фунтов. До гостиницы он добрался в полуобморочном состоянии. Там его ждали. Кто-то довел его до лифта, вознес наверх, затем провел по белому, неестественно тихому коридору и оставил в номере с одним только желанием – как можно скорее заснуть и проснуться в знакомой обветшалой обстановке Таппок-Магна.

Комната была большой и безупречной. Психолог, выписанный из Кембриджа, выполнил интерьер в двух цветах – фуксии и гуммигута, ибо, как показали эксперименты на мышах и домашней птице, эти цвета вызывают состояние тихого, сдержанного ликования. Ежедневно

ковер, портьеры и мебельная обивка подвергались тщательному осмотру и потому находились в прекрасном состоянии. В углу стояло специально подобранное растение, которое «дополняло» атмосферу. Мятая одежда Уильяма валялась на фуксиевом ковре. Пишущую машинку и фотоаппарат ночной провожатый спрятал неизвестно куда. Туалетный столик был оснащен лампой дневного света, чтобы женщины, ложась спать, могли заgrimироваться под утреннее освещение, но на нем не было ни единой щетки.

Через некоторое время появился коридорный и, откинув четырех- не то пятислойные портьеры, обнажил окно – техническое чудо, заглушавшее уличные шумы и пропускавшее в комнату терапевтически полезные элементы натурального дневного света. Коридорный поднял вещи Уильяма, отвесил изящный поклон в сторону кровати, представлявший собой чисто англиканский компромисс между кивком и коленопреклонением, и исчез из комнаты, в которой не осталось ровным счетом ничего, что связывало Уильяма с прошлой жизнью. Вскоре появился официант с меню, и Уильям заказал завтрак.

– И еще мне нужна зубная щетка.

Официант передал эту просьбу портье, и через несколько минут в комнату вошел чертенок-рассыльный, с лицом без возраста, неся зубную щетку на подносе.

– С вас пять шиллингов, – сказал он. – И еще два я дал таксисту.

– По-моему, слишком дорого.

– Да ладно, – сказал циничный карлик. – Не вам же платить.

Уильям указал на лежащую на столе мелочь, и рассыльный сгреб ее всю.

– Пижама вам тоже нужна, – сказал он. – Если хотите, принесу.

– Нет.

– Как знаете, – сказал паршивец и удалился.

Уильям съел завтрак и вызвал коридорного.

– Принесите, пожалуйста, мою одежду.

– Вот ваши туфли и запонки, сэр. Рубашку и белье я отослал в прачечную, костюм – в чистку. Галстук гладит горничная.

– Но я не просил этого делать!

– Противоположных указаний вы тоже не давали, сэр. А мы всегда приводим в порядок все вещи наших клиентов, если они не требуют обратного... Что-нибудь еще, сэр?

– Мне нужна какая-нибудь одежда. Сейчас.

– Мы наверняка сможем вам помочь.

И немного позднее тот же кошмарный ребенок внес ворох пакетов.

– Первый класс! – сказал он. – Хотя и не в моем вкусе. Лучшего не было. Двадцать фунтов ровно. Берете?

– Да.

– Журналистика – хорошая работа. Надо будет ею заняться.

– Давай, успех тебе обеспечен.

– Почему бы и нет? Бритву я вам не купил. Спуститесь на шесть этажей: там парикмахерская.

II

Когда Уильям подъехал к Коппер-хаус, колокола церкви Сент-Брайд били полдень. Мистера Солтера он застал в состоянии крайнего возбуждения.

– Ах, Таппок, Таппок... Ну почему так поздно? Лорд Коппер лично дважды справлялся о вас. Пойду узнаю, свободен ли он.

Уильям остался стоять в коридоре. Металлические двери открывались и захлопывались перед ним. «Вверх!», «Вниз!» – кричали девушки-гусары. Мимо Уильяма, с выражением глу-

бокой озабоченности на лицах, пронеслись его коллеги, они выбежали из лифтов и скрывались в них – осунувшиеся мужчины, всю ночь проведенные за письменным столом, элегантные молодые дамы, несущие куда-то подносы со стаканами молока, фигуры в промасленных комбинезонах, с инструментами в руках. Уильям стоял как в тумане, ощупывая жесткие швы нового костюма. Вдруг он услышал голос:

– Эй, ты!

Обращались явно к нему.

– Проснись!

– Если бы я только мог! – сказал Уильям.

– Что?

– Не важно.

Говоривший выглядел точь-в-точь как газетчики из американского фильма: маленького роста, лохматый, без пиджака, в фартуке и затеняющем глаза козырьке. Из его жилетного кармана торчали карандаши, указательный палец был наставлен на Уильяма.

– Ты! Ты ведь новенький?

– Кажется, да.

– Тогда действуй. – И он сунул Уильяму листок бумаги, на котором было что-то напечатано. – Только поскорее! Возьми такси. Не ходи за шляпой – время идет! Ты в газете работаешь! Уильям прочитал: «Миссис Ститч. Мужской туалет, Слоун-стрит».

– Нам только что звонил оттуда полицейский. Узнай, что она там делает. Быстро!

Рядом с ними распахнулась дверь лифта.

– Вниз! – раздался гусарский крик.

– Давай!

Дверь захлопнулась. Лифт пулей понесся вниз. Через несколько секунд Уильям мчался на такси к Слоун-стрит.

Вокруг общественного туалета сгрудилась огромная толпа. Уильям беспомощно бегал вокруг и, подпрыгивая, старался разглядеть, что происходит, однако видел только шляпы, еще шляпы, а совсем уже вдали – полицейские шлемы. Сзади напирали новые зрители. Неожиданно кто-то пихнул его в бок чувствительнее, чем другие, и голос произнес:

– Пресса! Дайте пройти! Пропустите прессу!

Толпу буравил человек с фотоаппаратом.

– Пресса! Дорогу прессе!

Уильям пристроился за ним, за его узкими, стальными плечами, и они устремились к ступеням подземного туалета. Вскоре они добрались до ведущих вниз перил, возле которых и стояли полицейские. Человек с фотоаппаратом дружески им кивнул и стал спускаться. Уильям не отставал.

– Эй! – окликнул его полицейский. – А ты кто такой?

– Пресса, – отозвался Уильям. – Я из «Свиста».

– Все свои! – сказал сержант. – Двигай! Она внизу. Как она туда съехала и ничего не сломала – убей, не пойму!

У подножия ступеней, на фоне белого кафеля стоял, лаская глаз фотографа, маленький черный автомобиль. В нем, спокойно сложив руки на коленях, сидела самая красивая женщина, которую Уильям когда-либо видел, и дружелюбно беседовала с окружавшими ее репортерами и людьми в штатском.

– Все не стоило поднимать такого шума, – говорила она. – Я просто ошиблась. Мне показалось, что сюда спускается человек, с которым я давно хотела поговорить, вот я и поехала за ним. Оказалось, что это совсем другой человек, но он был очень мил, а теперь я не могу отсюда выбраться. Я здесь уже полчаса, а у меня, поверьте, чрезвычайно много дел. Отчего бы вам не помочь мне, вместо того чтобы задавать все эти вопросы?

Шестеро мужчин подняли маленький автомобиль как пушинку и поставили его себе на плечи. Толпа радостным воплем приветствовала появление из земных недр черной лакированной крыши. Уильям замыкал шествие, рукой касаясь подножки. Автомобиль поставили на тротуар. Полицейские принялись расчищать дорогу.

– Неплохо! – сказал один из коллег Уильяма. – Вполне годится для вечернего выпуска.

Толпа начала редеть. Полицейские рассовывали по карманам чаевые. Фоторепортеры разбежались по лабораториям.

– Таппок, Таппок! – кричал кто-то радостно и вместе с тем раздраженно. – Вот вы где! Скорее назад!

Это был мистер Солтер.

– Когда я вернулся, вас уже не было. Счастье, что мне удалось узнать, где вы. Это ужасная ошибка, и кое-кто за нее заплатит, дорого заплатит! Ну же, скорее, садитесь в такси.

III

Двадцать минут спустя Уильям и мистер Солтер прошли первую из гигантских дверей, отделявших личные покои лорда Коппера от внешнего мира. Ковры здесь были толще, свет мягче, выражение на лицах – изможденнее. Пишущие машинки тоже были особые: их клавиши стучали не громче, чем пальцы епископа, барабанящего по бархатной кромке пюпитра. Телефоны не звонили, а мурлыкали, как угревшиеся кошки. Личные секретари, неслышно ступая, вели Уильяма и мистера Солтера к заветному пределу. Наконец они достигли массивных двойных дверей из новозеландского палисандра, блеск и роскошь которых извещали: «Только Мы отделяем вас от лорда Коппера». Мистер Солтер остановился и нажал на кнопку из искусственной слоновой кости.

– Сейчас на столе у лорда Коппера зажглась лампочка, – благоговейно произнес он. – Приготовьтесь к тому, что нам придется долго ждать.

Однако над их головами тотчас же вспыхнул зеленый свет, означавший, что они могут войти.

Лорд Коппер помещался за письменным столом. Он отпустил каких-то вассалов и поднялся навстречу Уильяму.

– Рад видеть вас, мистер Таппок. Давно хотел познакомиться. Мы с премьер-министром редко сходимся в оценках, но что касается вашего стиля – тут мы едины. Стиль исключительный. Да... просто исключительный... Вы, Солтер, тоже садитесь. Мистер Таппок полностью экипирован?

– В общем, да, лорд Коппер.

– Прекрасно. Спецкору нужно соблюдать всего два правила: минимум багажа и максимум готовности. Не берите ничего, что в случае опасности не сможете унести собственноручно. И помните: вас подстерегают неожиданности. Те мелочи, которые дома всегда под рукой, как, скажем...

Он огляделся в поисках подходящего примера: комната, при своих огромных размерах, была почти лишена мебели. Его взгляд мельком задержался на бюсте леди Коппер (не годится), но он быстро нашелся:

– ...моток веревки или лист жести может спасти в пампасах жизнь. Я бы на вашем месте взял несколько полых туб. Помню, как Хитчкок... сэръ Джоселин Хитчкок, он когда-то у меня работал... не без таланта, конечно, но весьма ограниченный человек, совершенно не знал истории... Так вот, я помню, когда он был в Африке, то всегда пользовался для передачи донесений полыми тубами. По-моему, очень удобно. Возьмите их побольше.

Что касается Политики, то о ней, я думаю, у вас сложилось собственное мнение. Я никогда не даю на своих корреспондентов. Британскому читателю нужно только одно – Свежие

Новости. Помните, что правда на стороне Патриотов, и они победят. «Свист» их всемерно поддерживает. Но победить они должны быстро. Британского читателя не интересует война, которая тянется бесконечно. Несколько громких побед, два-три ярких примера личной храбрости Патриотов и торжественное вступление в столицу. Вот Война для «Свиста».

Доберетесь вы туда недели через три. Еще день-другой уйдет на то, чтобы во все вникнуть. Но потом мы ждем от вас развернутого сообщения, которое пойдет за вашей подписью. Наверное, все, так, Солтер?

– Совершенно верно, лорд Коппер.

Они с Уильямом встали.

Лорд Коппер не имел привычки вставать со своего места в течение утра дважды, но он перегнулся через стол и протянул Уильяму руку.

– До свидания, мистер Таппок. Желаю удачи. И помните: в середине июля – первая победа. Ждем.

Когда они вновь прошли через личные покои великого человека и оказались в более скромных и гуще населенных комнатах огромного здания, мистер Солтер тихо вздохнул.

– Верите ли, – сказал он, – я давно знаком с лордом Коппером и тем не менее часто убеждаюсь, что совсем его не знаю.

Прием, оказанный Уильяму, превосходил все, что помнил мистер Солтер. На Уильяма он теперь взирал чуть ли не с робостью.

– Уже час. Если вы хотите улететь дневным самолетом, то пора позаботиться о багаже, как вы думаете?

– Да.

– Надеюсь, что после беседы с лордом Коппером у вас нет больше никаких вопросов?

– Честно говоря, один есть. Я так редко читаю газеты... Не могли бы вы сказать, кто с кем воюет в Эсмаилии?

– Кажется, Патриоты с Предателями.

– Да, но кто из них кто?

– О, вот этого я не знаю. Это – Политика. Ко мне она отношения не имеет. Надо было спросить лорда Коппера.

– По-моему, война идет между Красными и Черными.

– Да, но это не так просто. Видите ли, они все негры. Но фашисты запрещают называть себя черными из-за расовой гордости, поэтому они называют себя Белыми, в честь русской Белой армии. А большевики, наоборот, хотят, чтобы их называли черными – и тоже из-за расовой гордости. Поэтому, когда говорят «черные», то подразумевают «красные», а когда подразумевают «красные», то говорят «белые», а когда партия, которая называет себя «черные», говорит «предатели», то подразумевают тех, кого «черными» называем мы, но что имеем в виду мы, когда говорим «предатели», я вам сказать не могу. Впрочем, с нашей точки зрения, все будет просто. Лорду Копперу нужны только победы Патриотов, а ими называют себя обе стороны, так что все победы будут Патриотическими. На самом деле это, конечно, война между Россией, Германией, Италией и Японией, которые сражаются друг с другом на стороне Патриотов. Надеюсь, я ясно выражаюсь?

– В общем, да, – ответил Уильям, успевший освоить местный жаргон.

IV

Советник по иностранным делам «Свиста» позвонил в универмаг, где Уильяму предстояло купить багаж, и предупредил управляющего о его появлении. В результате Уильяма прямо у лифта спортивного отдела встретил сам генерал Кратвел, личность легендарная, член Королевского клуба полководцев.

Ледник Кратвела на Шпицбергене, Водопад Кратвела в Венесуэле, Пик Кратвела на Памире, Петля Кратвела в Камберленде были вехами его путешествий. Безводное, скверно укрепленное место близ Салоник, при воспоминании о котором содрогались все, кто служил под началом генерала во время войны, носило название Кратвелова Плешь. Магазин платил ему шестьсот фунтов в год плюс комиссионные, из которых он, согласно контракту, обязан был отчислять членские взносы в Королевский клуб полководцев и оплачивать электропроцедуры, дававшие ему горный загар.

Прежде чем заговорить, генерал охватил Уильяма цепким взглядом. В любом другом отделе универмага его назвали бы рохлей, но здесь, на пороге «Игр и Приключений», он заслуживал более снисходительного имени – новичок.

– Первый раз едете в Эсмаилию? Тогда я смогу быть вам полезным. Вы, конечно, знаете, что я был там в девяносто седьмом году с беднягой Цаплей – Ларкином...

– Мне нужны полые тубы, – твердо произнес Уильям.

Лицо генерала потемнело. Слишком часто ему приходилось терпеть насмешки. На прошлой неделе – тот молодой идиот, якобы миссионер, теперь...

– А за каким хреном? – ласково спросил он.

– Буду переправлять в них донесения.

С такой же точно наглостью тот нахал попросил у него ружье-шпик, гвоздичные штифты и гвоздичный молот.

– Обратитесь к мисс Бартон, – сказал генерал и, отвернувшись, принялся с угрожающим видом рассматривать только что прибывшую партию кнутов из бизоньих шкур.

С мисс Бартон было проще.

– Можем предложить вам большой выбор трубчатых костей, – жизнерадостно сказала она. – Мясники рубят их, как вы пожелаете.

Но Уильям, колебавшийся между клюшками для игры в поло и хоккейными клюшками, отобрал каждах по шесть, и рубить понесли их. Затем мисс Бартон повела его по другим отделам гигантского магазина. К тому времени, когда они расстались, Уильям приобрел хорошо и даже слишком хорошо меблированную палатку, трехмесячный запас продуктов, складное каноэ, британский флаг с флагштоком, ручной насос, стерилизационный агрегат, астролябию, шесть тропических костюмов, зюйдвестку, походный операционный стол с набором хирургических инструментов, портативный сейф с регулятором влажности, гарантировавший сохранность сигар в Красном море, и набор «Все для Рождества», в котором действительно было все, вплоть до костюма Санта-Клауса и подставки для омелы на треножнике⁴, а также палку, чтобы отбиваться от змей. Только отсутствие времени положило конец этим покупкам. В последний момент он схватил моток веревки, лист жести и удалился, провожаемый зловещим взглядом генерала Кратвела.

V

Было решено, что Уильям полетит в Париж, а оттуда на «Голубом экспрессе» доберется до Марселя. В бюро авиакомпании он прибыл вовремя. Багаж, следовавший за его такси в небольшом фургоне, произвел на служащих сильное впечатление.

– Вам придется доплатить сто три фунта, – сообщили они после того, как взвесили багаж.

– Ошибаетесь, не мне, – бодро отозвался Уильям и достал аккредитив.

Один из служащих позвонил в аэропорт Кرويدон и заказал дополнительный самолет.

⁴ По английской традиции перед Рождеством на стену в комнате прикрепляют ветку омелы. Мужчина и женщина, оставившиеся под ней, должны поцеловаться.

Мистер Паппенхакер из «Дейли грош» летел вместе с ним. На него было скучно смотреть: весь его багаж составляли пишущая машинка и один-единственный маленький чемодан. Скромные наклейки «Messageries Maritimes»⁵ были единственным, что отличало его от следовавших в Париж коммерсантов мужского и женского пола. Он читал маленькую арабскую грамматику, близоруко поднеся ее к носу и не замечая ничего вокруг. Центром общего внимания при переезде в Кройдон был Уильям, и он чувствовал, как в его сердце взмывает волна радостного возбуждения. Новенький багаж потрескивал и стучал на крыше автобуса: каноэ – об астролябию, сейф – о москитонепроницаемую коробку с одеждой. Сиденье напротив занимали полые тубы. За окном мелькали сады южного Лондона. Уильям находился в состоянии блаженного ступора. Он никогда не хотел ехать в Эсмаилию, как, впрочем, и в любую другую страну, не хотел зарабатывать пятьдесят фунтов в неделю и быть владельцем флага с флагштоком или походного операционного стола. Но когда он говорил мистеру Солтеру, что у него есть только два желания – жить дома и писать для «Свиста», – то он скрыл третье, потаенное и давнее желание, зародившееся лет пятнадцать назад, если не больше. Он очень сильно хотел хотя бы раз полететь на самолете. Но это желание настолько не совпадало с возможностями Таппок-Магна, что Уильям никогда не высказывал его вслух и запрещал себе о нем думать. Никто из домашних не знал об этом секрете, кроме няни Блогс. Когда-то она обещала покатасть его на самолете, если выиграет в Ирландский тотализатор, но после серии неудач решила, что это все козни католиков, и играть бросила. Таким образом, шансы Уильяма упали до нуля. Но мечта жила в его душе и обретала зримые очертания в мгновения между сном и пробуждением, в минуты физической усталости и внутреннего спокойствия, когда он в сумерках возвращался верхом домой после удачной охоты или потягивал второй стакан портвейна за праздничным обедом в честь очередного дня рождения кого-нибудь из многочисленных обитателей Таппок-Магна. И вот теперь столь близкое осуществление этой мечты проступало сквозь окружавший его туман как единственно реальное и важное событие из всех, происходящих вокруг. Ввысь от дымоходов и гигантской араукарии, ввысь к облакам, радуге и синему небу, которые он так часто и поэтично поминал в «Луге и чаще», ввысь к самым стремительным ласточкам, ввысь от прикованных к земле барсука и сойки, ввысь от людей, городов, в край свободы, света и тишины – вот куда направлялся Уильям в автобусе авиакомпании. Он оглох, ослеп и не замечал ни пишущей машинки, ни полых туб.

В Кройдоне его встретили с величайшим почтением. К нему был приставлен специальный служащий: «Добрый день, мистер Таппок... Сюда, мистер Таппок... Не беспокойтесь о багаже, мистер Таппок...» На бетонной полосе стоял самолет Уильяма. Три пропеллера вращались: один едва заметно, другой быстрее, а третьего даже не было видно, слышался лишь его свист.

– Добрый день, мистер Таппок, – сказал человек в комбинезоне.

– Добрый день, мистер Таппок, – сказал человек в фуражке.

Паппенхакер и коммерсанты садились в другой, общий самолет. Уильям наблюдал, как грузят его багаж. Люди, похожие на тренеров по боксу, вкатывали его по двое на тележках с резиновыми колесами.

– Вещи на борту, мистер Таппок, – доложили они, притрагиваясь к козырькам фуражек. Уильям одарил их серебром.

– Прошу прощения, мистер Таппок. – У локтя Уильяма возник человек в потрепанной мягкой шляпе. – Я еще не имел удовольствия поставить в ваш паспорт выездную визу.

⁵ Французская пароходная компания.

Глава 4

I

– Ох, Таппок, Таппок, – сказал мистер Солтер. – Знаете, мне кажется, будет разумнее скрыть это досадное недоразумение от лорда Коппера. «Грош» опередит нас на день – а может, и больше. Лорд Коппер будет недоволен. У советника по иностранным делам или... у кого-нибудь еще могут быть неприятности.

Багаж Уильяма грудой лежал посреди византийского вестибюля. Даже здесь, под гигантскими позолоченными сводами, он казался громадным. Уильям и мистер Солтер с грустью смотрели на него.

– Все это отвезут к вам в гостиницу, а то, не дай бог, доложат лорду Копперу. Заполните этот бланк для получения паспорта. Сфотографируют вас в художественном отделе, а в отделе религии у нас есть архидиакон, который заверит фотографию. После этого вам здесь до отъезда появляться не стоит. На корабль «Messageries» вы, конечно, не успеете, но завтра есть рейс «P and O»⁶ на Аден. Так тоже можно. Но помните, что официально вы уехали сегодня днем.

Был теплый, пахнувший бензином вечер. Уильям грустно вернулся в свой номер. На улицах продавали вечерние газеты. «Светская красавица в общественном туалете», – гласили заголовки. «Снова миссис Ститч».

Уильям вышел погулять в Гайд-парк. На помосте стоял чернокожий человек и объяснял немногочисленным слушателям, почему эсмаильские патриоты правы, а предатели – нет. Уильям отвернулся и, к своему удивлению, заметил маленький черный автомобиль, который несся по газону, ловко объезжая влюбленные парочки. Уильям приподнял шляпу, но сидевшая за рулем смотрела прямо перед собой. Миссис Ститч только что узнала, что из зоопарка сбежал бабуин и залез на дерево в Кенсингтонском саду, и намеревалась поймать его.

– Кто построил пирамиды? – надрывался эсмаильский оратор. – Негр. Кто изобрел кровообращение организма? Негр. Леди и джентльмены, я спрашиваю вас, представителей великой и справедливой британской общественности, кто открыл Америку?

И Уильям печально побрел в гостиницу, где его ждал одинокий ужин и ранний сон.

II

На следующее утро Уильям узнал в паспортном отделе, что для въезда в Эсмаилию нужна виза.

– Не исключено, что вам понадобятся даже две, – сказали ему. – Кто-то открыл недавно конкурирующее представительство. Официально мы его, конечно, не признаём, но не мешает наведаться и туда тоже. Какую часть страны вы намерены посетить?

– Патриотическую.

– Тогда лучше запастись двумя визами.

Уильям отправился по первому адресу в Мейдавейл. Он позвонил, и через какое-то время на пороге появилась всклокоченная женщина.

– Это представительство Эсмаилии? – спросил он.

– Нет, тут живет доктор Кон, но его нет дома.

– Вот как... а мне нужна эсмаильская виза.

⁶ «Peninsular and Oriental» – английская пароходная компания.

– Зайдите в другой раз. Может, она у него и есть, только он сюда редко заходит, и не раньше восьми вечера.

На лестничной площадке в глубине холла появилась нижняя половина другой женщины. Уильяму были видны шлепанцы и часть фланелевого халата.

– Кто там, Эффи?

– Мужчина.

– Скажи ему, что мы ничего не покупаем.

– Он спрашивает, даст ему доктор чего-то там или нет.

– Пусть сначала запишется на прием.

Ноги исчезли. Хлопнула дверь.

– Это миссис Кон, – сказала Эффи. – А чего еще от них ждать? Евреи!

– Какая досада, – сказал Уильям. – Мне дали этот адрес в паспортном отделе.

– Может, вам негр снизу нужен?

– Может быть.

– Так бы сразу и сказали. Он там, внизу.

И Уильям увидел, что к перилам подвальной лестницы прикреплен флаг – черное полотнище с красным серпом и молотом. Уильям спустился вниз и на двери между двумя мусорными баками увидел бумажку:

РЕСПУБЛИКА ЭСМАИЛИЯ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

И ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО

Если никого нет, оставляйте письма у старьевщика

из дома № 162-б

Уильям постучал, и ему отворил негр, которого он видел накануне вечером в Гайд-парке. Лицо его, на неискушенный взгляд Уильяма, ничем не отличалось от любого другого негритянского лица, но одежда была незабываемой.

– Могу ли я видеть эсмаильского генерального консула?

– Вы из газеты?

– В каком-то смысле, да.

– Входите. Это я. Как видите, персонала у нас пока не хватает.

Генеральный консул провел его в комнату, которая когда-то была швейцарской. На стенах висели фотографии негров в военной форме и в парадной европейской одежде. Образцы тропической продукции были представлены на столе и книжных полках. Еще в комнате находились: карта Эсмаилии, конторский мебельный гарнитур из восьми предметов и радио. Уильям сел. Генеральный консул выключил музыку и начал говорить.

– Борьба патриотов Эсмаилии, – сказал он, – это борьба цветных народов и пролетариата во всем мире. Эсмаильский рабочий стонет под игом прогнившего иностранного союза капита-

листических эксплуататоров, попов и империалистов. Как гениально писал великий негр Карл Маркс...

Он говорил около двадцати минут. Черные, с розовыми ладонями, похожие на плавники, кисти рук, выступающие из лиловых манжет, взлетали и шлепались о стол.

– Кто построил пирамиды? – спрашивал он. – Кто изобрел кровообращение организма?.. Африка – африканскому рабочему. Европа – африканскому рабочему. Азия, Океания, Америка, Арктика и Антарктика – африканскому рабочему!

Наконец он замолчал и стер с губ полоску пены.

– Я хотел бы получить визу, – робко сказал Уильям.

– А-а, – сказал генеральный консул и снова включил радио. – Вносите залог в пятьдесят фунтов и заполняйте анкету.

Уильям поклялся, что не сидел в тюрьме, не болеет заразными и дурными болезнями, не имеет намерений остаться в Эсмаилии на всю жизнь, не собирается свергнуть существующий политический строй, внес залог и был вознагражден штампом на первой странице нового паспорта.

– Желаю приятного путешествия, – сказал генеральный консул. – Говорят, это очень интересная страна.

– А разве вы не эсмаилец?

– Я? Конечно нет. Я выпускник Баптистского колледжа в Антигуа. Но борьба эсмаильских рабочих – это борьба негритянских рабочих во всем мире.

– Да, – сказал Уильям. – Да. Наверное, так оно и есть. Большое спасибо.

– Кто открыл Америку? – обратился к его удалявшейся спине консул голосом, который легко перекрыл звуки радиоконцерта. – Кто выиграл мировую войну?

III

Конкурирующее представительство занимало более просторное помещение в одной из гостиниц Южного Кенсингтона. Из его окна гордо свешивалось белое полотнище с золотой свастикой. Дверь в номер отворил негр, одетый в белую шелковую рубашку, бриджи из оленьей кожи и охотничьи сапоги. Он щелкнул шпорами и вскинул руку в древнеримском салюте.

– Мне нужна виза.

Псевдоконсул провел его внутрь.

– Вам придется несколько минут подождать. Дело в том, что представительство открылось недавно и у нас еще кое-чего не хватает. Визовую печать принесут с минуты на минуту. Позвольте мне пока ознакомить вас с положением дел в Эсмаилии. Его часто искажают. Так, например, евреи из Женевы, живущие на русские деньги, распространили слух, что мы – черная раса. И таковы невежество, легковерие и пристрастность порочных европейских стран, что этот нелепый слух был подхвачен прессой. Прошу вас не верить ему. Как вы сами вскоре убедитесь, мы – чистокровные арийцы. На самом деле мы первые белые колонизаторы Северной Африки. То, что Стэнли и Ливингстон сделали в прошлом столетии, наши эсмаильские предки совершили в каменном веке. Разумеется, много лет находясь под тропическим солнцем, они приобрели здоровый, в некоторых случаях даже темный загар. Но все авторитетные антропологи...

Уильям мям в руках паспорт и с тоской думал о ланче. Был уже второй час.

– Теперешнее так называемое правительство, стремящееся уничтожить великое наследие наших отцов и дедов...

Раздался стук. Псевдоконсул подошел к двери.

– Из писчебумажного магазина, – сказал голос, за которым стояло несколько поколений кокни. – С вас четыре шиллинга восемь пенсов.

– Спасибо... Вы свободны.

– Давайте четыре шиллинга восемь пенсов, или я ее опять унесу.

Последовала пауза. Псевдоконсул вернулся в комнату, где сидел Уильям.

– Оформление визы стоит пять шиллингов, – сказал он.

Уильям заплатил. Псевдоконсул вернулся с резиновой печатью, брэнча четырьмя пенсами в карманах бриджей.

– Вы увидите в Эсмаилии памятники нашего славного прошлого, – сказал он, беря паспорт. – Я вам очень завидую.

– А разве вы не эсмаилец?

– Конечно эсмаилец. По крови. Но мои предки давно переселились оттуда. Я вырос в Сьерра-Леоне.

И тут он открыл паспорт.

IV

Колокола Сент-Брайда пробили четыре, когда, плотно поев, Уильям вернулся в «Мега-лополитан».

– Ох, Таппок, Таппок, – сказал мистер Солтер. – Вам давно следовало быть на аэродроме. Что случилось на сей раз?

– Он сжег мой паспорт.

– Кто?

– Консул Патриотов.

– Почему?

– В нем стояла виза Предателей.

– Понятно. Как некстати. Если об этом узнает лорд Коппер, он будет весьма огорчен. Давайте пойдем к советнику по иностранным делам и спросим, что теперь делать.

На следующий день, вооруженный двумя паспортами, Уильям улетел из Кройдона на специальном самолете.

V

Летел он не один.

Пропеллеры гудели. Летчик бросил на землю сигарету и поправил шлем. Стюард закутал ноги Уильяма одеялом и нежно положил ему на колени комочек ваты, флакон с нюхательной солью и пустой бумажный пакет. Убрали трап. В этот момент от здания на краю летного поля отделились три человека и быстро направились в сторону самолета. Один из них был одет в длинный плащ песочного цвета. Козырек его клетчатой кепки был надвинут на глаза, высоко поднятый воротник защищал лицо и шею от урагана, поднятого пропеллерами. Он был маленького роста и шел торопливым шагом, но все равно было ясно, что это очень важная персона, чем-то неуловимо напоминавшая пекинса-медалиста. Это впечатление усиливалось необычайным почтением, с которым к нему относились его спутники: гигант с солдатской выправкой, несший портфель, и высокопоставленный служащий авиационной компании в форме.

Служащий подошел к Уильяму и, напрягая голос, попросил у него позволения посадить в самолет еще одного пассажира и его слугу. Имя пассажира заглушил рев мотора.

– Мистер... Вы, конечно, знаете, кто он... единственный самолет... просьба из очень высоких кругов... бесконечно признателен... до Ле-Бурже.

Уильям сказал, что согласен, двое мужчин молча поклонились и заняли свои места. Служащий исчез. Маленький человек изящным движением заложил уши ватой и поглубже уселся в кресло. Дверь закрылась. Механики остались на земле. Самолет двинулся вперед, скрипя и

подпрыгивая на неровной поверхности взлетной полосы, набрал скорость, перестал подпрыгивать, оторвался от земли, взмыл над чадом городских улиц и очень скоро завис, как бы вовсе без движения, над Ла-Маншем. Далеко внизу плыл пароход, и след от него лежал на яркой воде, как полоска дыма на ясном небе. Сердце Уильяма, взмывшее ввысь, ликовало, как ласточка.

VI

Вскоре, к сожалению, они вернулись на землю. Маленький человек и его слуга незаметно растворились в толпе, и Уильям обнаружил, что со всех сторон окружен иностранцами. Его чемоданы и коробки, казалось, занимали весь ангар, и таможенники с нескрываемым любопытством приступили к досмотру.

– *Tous sont des effets personnels – tous usés*⁷, – вежливо сказал Уильям, но постепенно, с помощью клещей и рычагов весь багаж был вскрыт, и его экзотическое содержимое легло на столы.

Это был один из тех редких моментов, когда в обыденность натуральных шелков и запрещенной литературы ворвался пьянящий воздух приключений, один из тех моментов, которые могли вдохновить Руссо⁸ на изображение джунглей. Такого восторга таможенники Ле-Бурже не испытывали, пожалуй, с тех самых пор, как изловили египтянку, делавшую «козу» искусственному младенцу, набитому гашишем.

– *Comment dit-on humidor?* – вопрошал расстроенный Уильям. – *C'est une chose pour garder les cigars dans la Mer Rouge-et dedans ceci sont les affaires de l'hopitale pour couper les bras et les jambes, vous comprenez – et ca c'est pour tuer les serpents et ceci est un bateau qui collapse et ces branches de mistletoe sont pour le Noel, pour baiser dessous, vous savez...*⁹

– *Monsieur, il ne faut pas se moquer les douanes*¹⁰.

Одни только полые тубы были встречены с пониманием и сочувствием.

– *Ils sont pour porter les dépêches.*

– *C'est un Sport?*

– *Oui, oui, certainement – le Sport*¹¹.

Здесь и на Лионском вокзале Уильям оставил много денег. Казалось, все носильщики Парижа стремились прийти ему на помощь, и всем чиновникам нужна была его подпись на бесчисленных документах. Наконец он занял свое место и, когда поезд выехал из Парижа, нетвердо побрел в вагон-ресторан.

VII

Напротив него, за столом, к которому его подвели, сидел пожилой человек, отчитывавший официанта на необычайно быстром и, судя по всему, выразительном аргю. Его лысая спешиди и на макушке голова имела необычную, коническую форму. Сзади и по бокам волосы были коротко острижены и выкрашены в густой, с пурпурным оттенком, каштановый цвет. Он был аккуратен, хотя и несколько чопорно для данного времени года, одет и весь усыпан драгоценностями. Тусклый и широкий изумрудный кабошон украшал его галстук. Всякий раз, когда

⁷ Это мои личные предметы, для личного пользования (*фр.*).

⁸ *Анри Руссо* по прозвищу Таможенник (1844–1910) – французский живописец-самоучка. Писал фантастические пейзажи и жанровые сцены.

⁹ – Как сказать «увлажнитель»?.. Это вещь для хранения сигар в Красном море, а это предметы госпиталя, чтобы резать руки и ноги, а это чтобы убивать змей, а это лодка, которая складывается, а это ветки омелы, чтобы, понимаете ли, целоваться под ней... (*фр.*)

¹⁰ – Мсье, над таможенниками нельзя смеяться (*фр.*).

¹¹ – Это чтобы передавать депеши.– Спортивные?– Да-да, конечно, спортивные (*фр.*).

его руки, подчиняясь кульминациям и спадам произносимой речи, взлетали и опускались, на пальцах и в запонках полыхали рубины. Из одного кармана его жилета в другой тянулись через живот жемчуг и платина. Уильям подумал, кто он может быть по национальности, и решил, что, наверное, турок, но в этот момент человек заговорил голосом, который не был ни евроазиатским, ни левантийским, ни американским, ни латинским, ни тевтонским, а смесью их всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.